

ТАТАРЫ В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Первая попытка назначения опекуна для татарских депутатов завершилась неудачей. В августе 1767 года группа татарских депутатов (21 человек из Казанской, Астраханской, Воронежской и Оренбургской губерний) заявила, что остановила свой выбор на жителе Старотатарской слободы г.Казани – служилом татарине Утягане Уразметеве, доверяя ему «во всех, касающихся до нас каковых либо по Комиссии потребностях, с позволения нашего соответствиях как словесных, так и письменных, – ибо он, Уразмет, писать и говорить по-русски умеет, а мы в том недостаточны, а по знанию его на его честность полагаемся». Однако в свое время У.Уразметев был обвинен в том, что, занимаясь проблемами обустройства Татарских слобод г.Казани, собирал у татар деньги, якобы для подарков казанскому губернатору. При посещении Казани этим делом занималась и Екатерина II. В конце концов решением Сената У.Уразметев был освобожден от ответственности, но выслен из Казани с запрещением въезжать в нее. Только после подавления восстания Пугачева ему позволили вернуться в Татарскую слободу города.

По протесту депутата Смоленского шляхетства Уфимского уезда Е.Тихановского 12 сентября 1767 года У.Уразметев был отрешен от опекуинства. Как считал А.В.Флоровский, за темное прошлое. Позднее опекунами иноверцев были определены прокурор князь Сергей Вяземский, сенатор Адам Олсуфьев и поручик Григорий Потемкин.

30 июля 1767 года было торжественно открыто заседание комиссии в Грановитой палате Кремля. Императрица вручила собранию «наказ» и «обряд для комиссии». Маршалом собрания был утверж-

ден А.И.Бибиков. Перед началом работы Уложенной комиссии было решено торжественно преподнести Екатерине титул «Великой, премудрой матери отечества». В торжествах по этому случаю от иноверцев участвовали мурза Аюп Еникеев от татар Пензенской провинции, мариец из Кунгурского уезда Пермской провинции Тияк Денисов и новокрещеный мордвин из Тамбовской провинции Кирилл Бурмистров. 21 августа 1767 года императрица от такого высокого звания отказалась.

Работа депутатов проходила на общем собрании и в 19 частных комиссиях. Татарских депутатов по итогам голосования в составе комиссий не оказалось, за исключением депутата от Татарских слобод г. Казани Сагита Хальфина, который был избран кандидатом в комиссию «О рудопромышленности, растении и сбережении лесов и о торговле вообще». Попытка мурзы А.Еникеева войти в комиссию для рассмотрения образа сборов и образа расходов депутатами не была поддержана: он при голосовании получил «за» всего 68 голосов, а «против» – 219. Кроме того, мурза А.Еникеев был выбран помощником члена комитета о размножении народа, земледелия и пр. Ивана Голенищева-Кутузова.

* * *

В самом главном позиция, линия поведения депутатов в Уложенной комиссии определялись наказами с мест. Эти указы, в том числе для иноверческих депутатов, были подготовлены специально избранными представителями уездов и провинций. Что обращает на себя внимание при анализе этого источника в контексте рассматриваемой проблемы?

Если говорить о наказах, которые привезли с собой татарские депутаты, то они отражали насущные потребности татарского общества того времени. Духовные нужды мусульман, наряду с социально-экономическими, занимают в них ведущее место, хотя С.Ф.Ташкин утверждал, что для мусульман проблема их религиозного положения уже потеряла свою прежнюю остроту. Значительный удельный вес конфессиональных вопросов в наказах, врученных всем мусульманским депутатам, показывает, что эти вопросы продолжали оставаться для них актуальными. Свою роль здесь сыграло и то обстоятельство, что в разработке анализируемых наказов самое активное участие приняли мусульманские религиозные деятели как деятельная и грамотная часть татарского общества. Так, наказ Сеитовой слободы города Оренбурга подписали ахун Абдул Селим Ураев, муллы Кулей Чюпашев, Абдул Карим Иманкулов, Исхак Абдулкаримов.

Одной из самых насущных общих проблем для мусульман Поволжского региона оказалась проблема строительства новых мечетей по желанию самих верующих без различных бюрократических преград. Дело в том, что в период массового крещения нерусских народов Поволжья, в 1742–1743 годы, только в Казанском уезде и Татарской слободе г.Казани из 536 мечетей было разрушено 418. Общее количество разрушенных мусульманских храмов в разных регионах России превысило 500. Позже были приняты законодательные акты, разрешающие возведение мечетей, однако имевшиеся в этих указах ограничения практически не позволяли мусульманам на законных основаниях строить данные культовые сооружения. Так, указ Сената от 1743 года разрешал восстановление разрушенных мечетей, но при условии, что в селении нет новокрещеных, а число жителей составляет 200–300 дворов. Эти же пункты без изменений были внесены в указ от 1756 года. Положение усугублялось тем, что татарские деревни в массе своей были малочисленными.

Наказы не могли не отразить эту ситуацию. Так, ясачные татары Свияжского уезда сообщали, что из-за отсутствия молитвенных домов они вынуждены ходить в соседнюю деревню. Ясачные татары Казанского уезда по той же причине ездили в мечети за десять и более верст. Те

и другие ходатайствовали о разрешении строить мечети «своим коштом» во всех селениях.

Ясачные татары Кунгурского уезда Пермской провинции просили сохранить старые и разрешить строить новые мечети. Они желали, чтобы никто им «в том... запрещения и помешательства не чинил, а мусульманам самим определить из достойных татар в каждой мечети по одному мулле, по два дьячка и по одному пономарю». Мурзы и служилые татары Татарской слободы г.Казани вновь просили разрешения строить каменные мечети, при этом свое желание мотивировали пожарной безопасностью.

В наказе башкир Уфимского уезда речь шла об обеспечении сохранности имеющихся мечетей и устранении препятствий к строительству новых: «Чтоб мечети наши, – говорилось в нем, – где мы по закону своему приносили молитву всевышнему богу...остались как преж построенныя на своих правах да вновь позволено...без возбраня строить и с чего никаких не полезностей и никакого христианскому закону помешательства и соблазна быть не может».

В культовых сооружениях нуждались не только мусульмане, но и новокрещенные. Хотя для последних за счет государства в селениях строились церкви, однако их все равно было недостаточно. Поэтому служилые татары-новокрещенные Свияжской провинции просили возвести часовню для отпевания умерших.

Во многих наказах обращалось внимание на положение мусульманских священнослужителей. Мусульманское духовенство, в отличие от православного, не получало жалованья от государства и не имело никаких льгот. Более того, оно несло все государственные повинности наравне с другими членами общины. Эту несправедливость не могли обойти стороной составители наказов. Так, ясачные татары Кунгурского уезда Пермской провинции просили освободить мулл от уплаты подушного оклада, а башкиры и тарханы разных дорог Уфимского уезда – добивались права выбирать ахунами дорог уезда священнослужителей из башкир, мешчеряков или из ясачных татар, избавив их от всяких государственных служб и поборов.

Татарское население хлопотало о праве использования привычных норм шариата при разрешении различных правовых

коллизий. Например, ясачные татары разных дорог Казанского уезда просили, чтобы «в случае ссор, драк, займа денег до 10 рублей, разбирать муллам по Корану». Мусульмане отдавали предпочтение нормам шариата и в тех случаях, когда «жены татар крестятся в российскую веру и калым не возвращают». Вмешательство гражданской администрации в духовные дела не устраивало просителей в силу незнания судьями мусульманских законов.

Часть содержащихся в наказах просьб непосредственно затрагивала практические аспекты межконфессиональных отношений. Так, жителей Старотатарской слободы г. Казани явно не устраивало то, что в ее центре были размещены церковь и новокрещенская школа. Мурзы и служилые татары писали: «Мы нижайше уповаем, что нет противнее человеку, какого-б он закона и звания ни был, претерпеть от посторонних поношений и ругания его закона...».

Одним из «столпов» мусульманской веры является совершение хаджа, посещение святых мест в Мекке и Медине. С конца 30-х годов XVIII столетия эту обязанность мусульмане не могли выполнять, поскольку осложнились русско-турецкие отношения, и мусульманам было запрещено совершать хадж в Мекку через Турцию. Мусульманские депутаты из почти всех регионов России просили власти разрешить паломничество через Турцию и обеспечить беспрепятственную выдачу паспортов на эту поездку.

Однако тогда они не получили законодательного подтверждения. Первый российский законодательный акт об организации паломничества в Мекку появился в 1803 году, когда 23 марта Александр I направил оренбургскому военному губернатору Бахметеву указ «О пропуске бухарцев, находящихся в России в Мекку для поклонения».

Как уже отмечалось, духовные нужды иноверцев были тесно переплетены с социально-экономическими. И это переплетение было порождено самой практикой. Российское законодательство еще со времен Соборного Уложения 1649 года запрещало мусульманам использовать труд православных, а значит – и новокрещенных. Такое ограничение, ограждающее крещеных от возможного влияния ислама, однако, ущемляло экономические интересы как православных, так и мусульман. От данного запрета сильно стра-

дали не перешедшие в православную веру черемисы, мордва, удмурты, чуваша, которые лишались существенных источников дополнительного дохода.

Учитывая двусторонние экономические потери, татары Сеитовой слободы Оренбургской губернии хлопотали о разрешении нанимать в качестве работников крещеных из числа иноверцев для хлебопашества и домашней экономики. При этом они брали на себя обязательства в посты и постные дни кормить своих работников постной едой, а в воскресные и праздничные дни отпускать их для моления в Бердскую слободу и Сакмарский казачий городок, в которых имелись церкви и православные священники. В свою очередь новокрещенные из ясачных марийцев Казанского уезда просили разрешить им нанимать для собственных нужд иноверцев, а иноверцам – новокрещенных, не видя в этом «противностей греческому закону».

Запретительные, ограничительные меры, вводившиеся при активном участии православной церкви, осложняли не только сложившиеся ранее взаимовыгодные экономические отношения между мусульманами и, главным образом, языческими народами, но и межэтнические отношения. В наказе от мурз и служилых татар, который огласил мурза Якуп Мангушев, говорилось, что ранее по соседству с мордвой, чувашами, марийцами и удмуртами жили дружно татары, а потом эти отношения испортились в результате действий Новокрещенской конторы, которая «чинила великие запрещения дабы они с ними никакого не имели соседственного обхождения». Депутат просил, чтобы прежних добрососедских отношений им не запрещали.

Как показывает содержание наказов, ряд проблем в межконфессиональных отношениях порождали многие действия властей, направленные на обращение нерусских народов в православие и удержание их в новой вере. Негативно оценивалась в этих наказах практика предоставления преимуществ и льгот крестившимся из числа иноверцев. Предоставление льгот одним сопровождалось ущемлением других. Так, во всех регионах России с татар-мусульман брали дополнительный налог, так называемый повеночный сбор. Сбор этот в 1765 году был отменен, однако его продолжали собирать у служилых мурз и татар некоторых уездов.

Одним из следствий политики христианизации было совместное проживание крещеных и некрещеных в одних селениях. Такая ситуация воспринималась татарами как нежелательное явление. Весьма нередко в наказах предлагалось переселять крещеных из тех мест, где они жили до крещения. Например, служилые татары Слободского уезда такую меру аргументировали тем, что крещеные принимают к себе на жительство разного рода случайных людей и сами отлучаются в большом количестве неведомо куда, а татарам бывают от этого «немалые пропажи». Говорилось и о том, что татары-мусульмане не могут повлиять на поведение новокрещеных. За переселение перешедших в православие в места, населенные русскими и новокрещеными, высказались мурзы и служилые татары Старой и Новой Татарской слобод г. Казани. Они также ратовали за то, чтобы дворы, усадьбы, огороды, сенные покосы новокрещеных татар продавались татарам-мусульманам и их родственникам, а не русским и новокрещеным. Ясачные татары Свияжского уезда просили разрешения на покупку земель крещеных мурз и служилых татар при одновременном установлении запрета на продажу этих земель русским помещикам. Социально-экономическая направленность последних предложений очевидна.

В ряде наказов, поступивших из мест с православным населением, также присутствовала идея переселения. Впрочем, и здесь она имела под собой весьма прагматичные, материальные основания. Промежуточную позицию между этими крайностями занимали новокрещеные. Они далеко не всегда поддерживали идею переселения крещенных из родных селений.

Сложившаяся во многих российских селениях ситуация тем не менее требовала разрешения. В результате реализации еще ранее принятых актов в одних и тех же населенных пунктах оказались мусульмане и православные. Попытки переселить их не всегда достигали цели, так как желающих сменить место жительства не находилось. Деревня фактически оказалась расколотой на две общины из-за разного социально-правового положения мусульман и крещеных. Возрастали взаимные претензии. Если во времена Новокрещенской конторы защитой новокрещеных занимались специальные команды, то в связи с прекращением ее дея-

тельности эти функции перешли к губернской канцелярии, которая не всегда могла удовлетворить интересы обеих сторон.

* * *

Рассмотрим теперь позиции иноверческих депутатов по проблемам межконфессиональных отношений, непосредственно проявившиеся на собраниях Уложенной комиссии. Как известно, работа депутатов в Большой комиссии и частных комиссиях была организована маршалом собрания А.И.Бибиковым. Предварительно депутатов на Большом собрании ознакомили с наказом императрицы, чтение которого продолжалось достаточно долго. Основное место в их работе заняли чтение указов по отдельным проблемам и дискуссии по ним. Иноверческие депутаты проявили активность при обсуждении различных вопросов.

28 апреля 1868 года на общем собрании депутатов началось чтение законов об иноверцах. Без особой системы депутатов познакомили с законами о льготах новокрещеным, начиная с 1 сентября 1720 года по 1764 год. Вместе с тем основным указ, подписанный Анной Иоанновной 11 сентября 1740 года, в комплексе решивший проблемы массового крещения и предоставления льгот новокрещеным, не был доведен до сведения депутатов. Однако неполнота правовой информации никоим образом не отразилась на характере и содержании последующего обсуждения. Высказанные мнения исходили из реальной практики межконфессиональных отношений.

Как православных, так и мусульманских депутатов беспокоил тот факт, что при решении спорных вопросов, при свидетельских показаниях мусульмане не имеют равных прав с крещеными. Эту правовую проблему поставил казачий депутат Бурцев, спросив о том, могут ли магометане быть свидетелями по делам православных. Разрешить ее попытались представитель служилых мурз и татар Пензенской провинции мурза Аюп Еникеев и депутат от Татарских слобод города Казани Сагит Хальфин. По мнению Сагита Хальфина, «мухамеданин допускаем был в свидетельство во всяких случаях, наравне с христианами, по приводе прежде к Корану...».

Был обозначен и другой аспект проблемы. Как заметил мурза Аюп Еникеев,

новокрещенные «после крещения получают от наказания свободу, живут вместе с иноверцами, веры христианской не соблюдают, а также чинят, более первого, воровство и всякие беспорядки, и от того приключают оставшим иноверцам чувствительные разорения». Татарские сотники и старосты ничего не могут сделать с новокрещеными, так как они выходят из послушания на том основании, что сделались они веры греческого исповедания христианами. О фактах обращения в христианство, диктуемого стремлением избежать наказания за совершенные проступки, говорили и депутаты из числа православных, отмечая их отрицательное значение.

Каким образом предлагалось разрешить коллизию? По мнению уже упоминавшегося А.Еникеева, преступников из числа новокрещенных необходимо наказывать по силе закона, отсылать их в соответствующие места, дабы «злодейское предприятие вовсе искоренить». Кроме того, этот депутат считал, что новокрещенные для утверждения веры должны жить вместе с русскими, а не с мусульманами. Мусульман же насильно не крестить и полностью освободить их от рекрутских наборов и от уплаты дополнительных налогов за крещеных.

А.Еникеев высказал свои предложения 3 июня 1768 года. Месяцем раньше в комиссию поступили примечания депутата Петра Карякина из города Хлынова. Обращает на себя внимание частичное совпадение позиций двух депутатов. Так, П.Карякин предлагал иноверцам, принявшим святое крещение добровольно, «дать льготы по нынешним законам, оставлять жить там, где пожелают; а тех, кто принимает крещение в целях избавления от наказания, переселять в русские села и деревни, которые располагаются от иноверческих жилищ не менее 100 верст; при этом в одном селении размещать не более пяти человек».

Пожелания раздельного проживания (расселения) новокрещенных и мусульман довольно часто звучали на заседаниях комиссии. Характерно однако, что собственно межэтнические, межконфессиональные мотивы, мотивы неприятия на религиозной основе в таких пожеланиях практически не просматриваются. Доминирует, по сути оставаясь единственным, социально-экономический аспект. Так, депутат Я.Мангушев обосновывал свои

предложения тем, что при существующих условиях крестившиеся татары продают свои земли посторонним господам, которые переселяют на них своих православных крестьян и от которых татарам великое разорение. А надо бы, считал депутат, чтобы новокрещенных переводили в другие места, чьи земли передавали бы некрещеным мурзам и татарам.

Однако против переселения крещенных в деревни русских и новокрещенных выступил депутат от казаков Хоперской крепости Андрей Алейников. Он поставил вопрос так: не будет ли разным некрещеным народам к принятию православия какого-либо препятствия, которые в случае переселения будут вынуждены оставлять своих родителей и родственников, устроенное хозяйство, а получают лишь неизвестный жребий. Естественно, депутат предлагал не переселять крещеных в другие деревни, а расселять их на прежнем месте жительства отдельными улицами, давать им льготы на десять лет. Кроме того, он считал необходимым построить в каждой слободе церкви и содержать их на казенном коште.

Переплетение социально-экономических и межконфессиональных аспектов при доминировании первых было присуще многим поднятым на заседании комиссии проблемам. Особенно сильно это проявилось в ходе обсуждения предложения депутата от г. Уфы Алексея Подъячева запретить татарам Сеитовой слободы Оренбургской губернии вести торговлю в других уездах. Депутат настаивал на том, чтобы эти татары торговали только в пределах самой слободы. Высказанный им корпоративный интерес очевиден. Каргалинские татары к 1768 году уже зарекомендовали себя как сильные торговые конкуренты. Следует также учесть, что они были выходцами из Казанской губернии. Казанские служилые слободские татары в силу данных им жалованных грамот имели право беспрепятственной торговли, что было подтверждено Высочайше утвержденным докладом Сената от 7 августа 1763 года. Получалось, что частный вопрос перерастал в вопрос о праве татар заниматься торговлей. Большинство же татар, как известно, были мусульманами. К тому же предложение А.Подъячева могло сыграть роль спускового механизма не только в отношении татар Сеитовой слободы. Это понимали многие, и потому началась острая дискуссия.

Те или иные депутаты высказывали свои аргументы в защиту права представляемых ими групп населения заниматься торговой деятельностью. Так, депутат от башкир Уфимского уезда Токтамыш Ижбулатов отметил, что жителям Уфимского уезда не было запрещено покупать друг у друга разные товары. Депутат от торговых татар Сеитовой слободы просил сохранить имеющиеся у них привилегии, ссылаясь на указы Сената от 8 августа 1745 года и указы оренбургского губернатора И.И.Неплюева от 1753 года.

Депутат мурза А. Еникеев ссылаясь на традицию. «Предки наши торговали, – говорил он, – без всякого препятствия своими местными товарами в уезде и по торжкам. От этого нашего незначительного уездного торгового купечеству никакого помешательства и коммерции их подрыва не бывало и впредь произойти не может». Аналогичные аргументы высказали Ярмек Арсланов, Абдрешит Сеитов. Примечательно, что так думали не только депутаты-татары, но и депутаты от новокрещенных чувашей, новокрещенной мордвы и однодворцев Свяжской провинции. Сама значимость торговли, которая становилась реальностью при наличии права на нее, обуславливала общность позиции по данному вопросу массы депутатов, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности.

Почти два десятка голосов прозвучали против высказывания депутата от г. Казани Ивана Кобелева, который потребовал «запретить заниматься торговлей» татарам. Это были голоса таких депутатов, как мурза Абдул Даутов (от служилых татар Исетской провинции), Рахманкул Алкин (от служилых мурз и татар Казанского уезда), Иван Алексеев (от старокрещенных татар), Чемекей Ишпаев (от некрещенных марийцев), Бекчентай Байтуганов (от некрещенных удмуртов), Петр Иванов (от новокрещенных марийцев), Колман Иштеряков (от ясачных татар Пермской провинции), Ярмек Давыдов

(от ясачных татар Свяжской провинции), Мустафа Юсупов (от служилых мурз и татар Свяжской провинции), Аюп Еникеев (от служилых мурз и татар Пензенской провинции), Федор Саркаев (от новокрещенной мордвы), Якуп Юраев (от служилых мурз и татар Алатурской провинции), Абдулжалил Максютов (от служилых татар Уфимской провинции), Еким Бекбоков (от ясачных марийцев), Токтамыш Ижбулатов (от башкир и тархан разных дорог Уфимского уезда), Базаргул Юнаев (от башкир, сартов и других иноверцев Исетской провинции), Алмугамет Ибрагимов (от служилых татар Ичкинских и Багарятских юртов Исетской провинции), Ивельямин Хансеитов (от служилых и ясачных татар Сибирской губернии). Общий экономический интерес объединил разноязычных депутатов, для консолидации которых конфессиональные различия не стали сколько-нибудь заметным препятствием.

Есть основания считать, что позиция прежде всего нерусских депутатов, в том числе (или: в первую очередь) из татар, позволила наметить законодательные меры, учитывающие специфические интересы как мусульман, так и новокрещенных. Они оказались способными самостоятельно выработать предложения для подготовки новых законов и достойно публично их защитить. Эти предложения позднее неоднократно были использованы в текущем законодательстве и заложили основы принципиально нового, толерантного отношения к исламу – религии значительной части подданных Российской империи. Началось подспудное движение в сторону веротерпимости, изменения положения ислама в России. По крайней мере, последовавший 17 июня 1773 года указ Синода о терпимости всех вероисповеданий был принят не только после работы Уложенной комиссии, но и, как нам представляется, вследствие этой работы. Разумеется, свою роль сыграли и другие факторы.

Ф.Г.Ислаев,

*кандидат исторических наук,
зав. кафедрой истории и
обществоведческих дисциплин
Института повышения
квалификации и переподготовки
работников образования
Республики Татарстан*